

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе и жизнь¹⁾.

Прошло сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды († 29 октября 1794)— и только теперь появились въ свѣтъ его сочиненія. Правда, не все то издано, что розыскано мною: кое что пришлось по необходимости отложить въ виду различныхъ обстоятельствъ—но все таки съ рукописей сдѣланы копіи, которыя хранятся въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Быть можетъ, окажется возможнымъ издать и ихъ, что было бы, конечно, самое удобное и правильное; но еслибы этого почему либо исполнить не удалось, то и тогда духовное наслѣдіе Григорія Саввича будетъ обезпечено отъ гибели и порчи, а можетъ быть, удастся отыскать и еще что нибудь изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ мы не имѣемъ въ рукахъ, но которыми пользовались прежніе изслѣдователи. Впрочемъ можно сказать, что новыя находки едва ли способны были бы *измѣнить* наше сужденіе о Г. С. Сковородѣ, какъ писателѣ, такъ какъ оно основано на *всей совокупности* его учено-литературныхъ трудовъ, какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ еще; онѣ могли бы *дополнить* наше сужденіе, но не *измѣнить* его. Въ этомъ отношеніи мы находимся

¹⁾ Настоящая работа является прямымъ продолженіемъ моего изслѣдованія о Сковородѣ, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ Харьк. Ист.-Филол. Обществомъ, гдѣ оно занимаетъ первыя 132 страницы.

въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что о Г. С. Сквородѣ существуетъ весьма значительная литература (подробно очерченная мною въ 1-й главѣ изслѣдованія, напечатаннаго передъ его сочиненіями), новѣйшіе труды—г-жи А. Я. Ефименко, Ѳ. А. Зеленогорскаго и мои—впервые пытаются освѣтить ученіе Сквороды по его первоисточникамъ, т. е. сочиненіямъ. И это понятно: только теперь, съ находкою массы его рукописей, мы, можно сказать, открыли Сквороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его въ этомъ отношеніи. А оцѣнка ученія и жизни дастъ матеріаль и для сужденія о значеніи его вообще. Мы будемъ основывать свое сужденіе на документальныхъ данныхъ и избѣгать всякихъ рискованныхъ сравненій, памятуя, что *comparaison n'est pas raison*, и руководствуясь тою осторожностью въ выводахъ, которая столь необходима при оцѣнкѣ всякаго историческаго дѣятеля.

Давно уже дѣлали попытки опредѣлить сущность ученія Сквороды, но давали слишкомъ общіе отвѣты, вытекавшіе изъ случайнаго сходства, а не изъ всей совокупности критически провѣренныхъ матеріаловъ. Называли Сквороду и украинскимъ Сократомъ, и украинскимъ Діогеномъ, Пифагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Скворода запротестовалъ, если только Хиждеу даетъ вѣрное извѣстіе, противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будтобы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ локтемъ портной мѣрить и золотую парчу, и шелковую тканьку, и полотняную ряднину“. Если Скворода и не писалъ этихъ словъ епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, то онъ *могъ бы* такъ выразиться, потому что былъ человекомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью и самъ прекрасно сознавалъ это. Тоже самое вышло и съ вличкою „мистикъ“. Многіе, до нашихъ дней, приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ себѣ труда указать, по крайней мѣрѣ, на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разьясненію ученія этого оригинальнаго мыслителя и новая кличка, которою пытались замѣнить прежнія,—раціоналистъ *rigesang*. Нельзя сказать, чтобы въ

Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми личностями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ, сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его и подмѣтили прежде всего); но это было внѣшнее сходство формы, но не содержанія, это же послѣднее оставалось неизвѣстнымъ въ той его цѣлостности и полнотѣ, какую даетъ совокупность учено-литературныхъ трудовъ писателя.

Спрашивается, каково же было міросозерцаніе Сковороды, нашедшее себѣ выраженіе въ его сочиненіяхъ, какія идеи проводилъ онъ въ своихъ трудахъ, чего хотѣлъ, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ?

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на содержаніи каждаго сочиненія Г. С. Сковороды въ отдѣльности (ибо сдѣлано это раньше, во 2-й главѣ нашего введенія къ изданію его сочиненій), а только постараемся предоставить его міросозерцаніе въ краткомъ, но систематическомъ видѣ.

Обращая вниманіе на темы, которыя разрабатывалъ Сковорода, вникая въ сущность ихъ содержанія, мы замѣчаемъ, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е. другими словами—*религія была для него философіей и философія религіей*. Нельзя указать у него ни одного сочиненія, которое не было бы проникнуто религіознымъ направленіемъ. Даже такіе труды, которые отличаются преимущественно философскимъ характеромъ (напримѣръ, трактаты о душевномъ мирѣ) въ сущности имѣютъ ту же основу и находятся въ тѣснѣйшей логической связи со всѣми остальными. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью: въ нихъ нѣтъ противорѣчій; есть только кажущіяся повторенія, потому что Сковорода иногда въ новыхъ трудахъ развивалъ болѣе подробно то, о чемъ говорили уже въ прежнихъ. Данное имъ опредѣленіе значенія философіи совершенно почти тождественно съ указаннымъ имъ же значеніемъ Библии, какъ источника христіанской религіи; изъ этого видно, что онъ отождествлялъ ихъ другъ съ другомъ. На вопросъ губернатора Щербинина, о чемъ учитъ Библия—

Сковорода замѣтилъ: „О человѣческомъ сердцѣ; поваренныя книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библия учитъ, какъ облагородствовать человеческое сердце“.

На вопросъ одного изъ ученыхъ, что такое философія—Сковорода отвѣтилъ: „главная цѣль жизни человѣческой; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ занимается главою жизни, иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной очамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, *благодать сердцу*, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія¹⁾“. Здѣсь, какъ мы видимъ, философія прямо опредѣляется, какъ познаніе духа въ человѣкѣ, дающее ему душевное спокойствіе, т. е. счастье. А это познаніе собственнаго духа даетъ человѣку и познаніе Бога, который находится внутри насъ и открывается въ самопознаніи. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ другихъ пунктахъ, кои увидимъ далѣе, философія у Сковороды соприкасается или даже, можно сказать, отождествляется съ религіей. Онъ признавалъ одну только философію Духа, а не плоти, такъ же точно, какъ и одну религію духа, но не обрядовъ. Въ предисловіи къ трактату „о древнемъ мірѣ“ (въ письмѣ къ Ковалинскому) Сковорода изображаетъ смыслъ своей жизни, какъ философа, какъ человѣка, нашедшаго ея центръ—и эта философія оказывается познаніемъ Господа любовью къ Нему, исполненіемъ Его заповѣдей, т. е. христіанской религіей Сковороды. Это было духовное любомудріе, иначе *христіанская философія*, какъ ее называетъ самъ Сковорода. Она какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ

¹⁾ Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. Х. 1894, 132, 352 стр. Цѣна 4 р., 1-е отд., стр. 30.

имъ текстомъ: „блаженъ мужъ иже въ премудрости умретъ и иже въ разумъ своемъ поучается святынь, размышляя пути ея въ сердце своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумитъ“ (2-е отд. стр. 46). Философствовать, говоритъ онъ, нужно во Христѣ т. е. Духѣ, а не въ стихіяхъ. Апостоль Павелъ „сіе мудрованіе (на плоти) мертвыхъ сердець называетъ пустою философією; которая бражничаєтъ по стихійной бурдѣ и препятствуетъ философствовать по Христѣ, котораго Богъ послалъ въ качествѣ Духа въ сердца наши. Такое плотское мудрованіе мѣшаетъ нашему восхожденію въ высшій первородный міръ и обращаетъ глаза наши долу (2-е отд. стр. 56). Ту же мысль онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Тевяшову, которое служитъ предисловіемъ въ его „Израильскому змію“. Здѣсь онъ доказываетъ, что такимъ любомудріемъ должно заниматься и дворянство, какъ единственное въ то время сословіе (за исключеніемъ, конечно, духовенства), державшее въ своихъ рукахъ дѣло образованія народа. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода оставался и истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью человѣческой жизни разъясненіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: *нѣтъ сладчае истины*. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше. Пифагоръ, раскусивъ эмблему треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопіетъ: обрѣтохъ! обрѣтохъ! Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ улаждаетъ и старость Соломону; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ раждаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣвѣрихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ—родиться, кормиться, расти и умяляться; а жизнь есть плодопри-

ношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшее въ сердцѣ ихъ“ (2-е отд., стр. 252).

Но говоря о религіозномъ характерѣ міросозерцанія Г. С. Сковороды, слѣдуетъ ближайшимъ образомъ опредѣлить его основную, коренную черту. И такую черту отыскать не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ сочиненія Сковороды, составляетъ исходный пунктъ его воззрѣній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Сковорода проводилъ идею о *двухъ началахъ—матеріи и формѣ, иначе тлѣнномъ и вѣчномъ, плоти и Богѣ и о господствѣ второго (невидимаго, нематеріальнаго) надъ первымъ (осязаемымъ, временнымъ); только второе должно быть признано субстанціей, первое же является ея постояннымъ атрибутомъ.*

„Весь міръ состоитъ, говоритъ Сковорода, изъ двухъ натуръ—одна видимая, другая невидимая. Видимая натура—тварь (въ другихъ мѣстахъ онъ даетъ ей множество другихъ аналогичныхъ названій), а невидимая—Богъ (котораго онъ также иначе называетъ Духъ, истина, умъ и т. п.) Сія невидимая натура или Богъ всю тварь пронизываетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ; вездѣ и во всемъ онъ—основаніе, голова; вся же тварь является только тѣнью, пятою, ризою его; ей вѣчность не свойственна: она постоянно измѣняется; это и есть смерть; возставать противъ нея, стоять за тлѣнное—значитъ идти противъ Бога, обижать его. Жизнь, рассуждалъ онъ, подобна вѣнцу: начало и конецъ ея заключаются въ одной и той же точкѣ. Колось родится изъ зерна и снова превращается въ зерно, духъ исходитъ отъ духа и снова идетъ къ нему. Каждому существу назначено его поприще, чтобы оно могло явить, по образу Вѣчнаго, свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости, и за тѣмъ снова вступить въ свое начало, т. е. свое ничто. Первый и послѣдній край одно и то же—Богъ. Вся природа Его риза, орудіе: все обветшаетъ, измѣнится; одинъ Онъ пребываетъ во вѣки неизмѣннымъ (1-е отд. стр. 19—20).

Но существуетъ все таки огромная разница между всею остальною тварью и человѣкомъ: этого послѣдняго отличаетъ *свободная воля.* „Всѣ твари суть грубые служебные органы

свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человекъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее“. На этомъ основано понятіе милосердія: на этомъ держатся всѣ союзы государственные, общественные, семейные и т. п. Такъ излагаетъ взглядъ Сквороды на этотъ предметъ Ковалинскій (1-е отд., стр. 23).

Весь міръ, по ученію Сквороды, состоитъ изъ трехъ міровъ—большого, малаго и символическаго; большой—это природа, космосъ, состоящій въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ; малый, иначе микрокосмъ—это человекъ; символическій—это Библия. Въ каждомъ изъ нихъ Скворода видитъ два начала—Бога или Вѣчность, и матерію или тлѣнное, временное. Въ великомъ и маломъ мірѣ (т. е. человекѣ) вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библии), собраніе тварей составляетъ матерію; но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма. Творческое начало—Богъ или вѣчность. Это руль, двигающій большой корабль. Она—въ немощи сила, въ мелочи—величіе; она начиная кончаетъ и кончая начинается или, по древнему философскому изреченію, *unius interitus est alterius generatio*, (гибель одного есть рожденіе другого). Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—вѣчность и тлѣніе, какъ яблоня и ея тлѣнь, видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тлѣнь его измѣняется: то уменьшается, то увеличивается, то рождается, то умираетъ. Тоже самое и въ человекѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное, они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тлѣнь съ деревомъ. Нашъ ветхій міръ, подобно тлѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый же міръ Господень вѣченъ; но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи; такъ человекъ представляетъ изъ себя слабую копию, тлѣнь Богочеловѣка—Христа. И мы со смертію не только не уничтожаемся, а наоборотъ измѣняемся изъ смерти въ животъ

вѣчный, изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Въ Библии тѣ же два начала: подъ буквальнымъ ея смысломъ скрывается высшій духовный. Она также содержитъ въ себѣ матерію и форму; въ ней таится и является, лежитъ и возстаетъ передъ нами пресвѣтала истина (самъ Богъ); она являетъ свое прекрасное око посреди безчисленнаго множества тварей. Указавши на это двойственное начало, Сковорода убѣждаетъ насъ въ рѣшительномъ преимуществѣ духовнаго надъ тѣлеснымъ, вѣчнаго надъ временнымъ, Бога надъ тварью во всѣхъ трехъ мірахъ—большомъ, маломъ и символическомъ. Во всей природѣ, говоритъ Сковорода, духъ господствуетъ надъ матеріей; „въ природѣ то сильнѣе, что не повазнѣе;“ въ примѣръ приводится воздухъ, который невидимъ, однако движетъ моря, топить корабли, ломаетъ деревья, сокрушаетъ горы, всюду проникаетъ, а самъ остается непроницаемымъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Сковорода, мы безплотной невидимости не считали существомъ; теперь же, поборовъ закоренѣлое мнѣніе, мы усвоили *новый взглядъ*, что все видимое есть мечта и пустошь, ничто въ сравненіи съ Вѣчностью. Въ чловѣкѣ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой чловѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; въ ней онъ сводилъ сущность жизни. Вотъ наружное изображеніе этого вѣчнаго движенія чловѣческой жизни. „Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую брэнность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратитъ (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣтѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, миліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной при-

реды возносятся во вышней господствующей натурѣ, въ родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть вніти въ покой Божій.., вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа“ (2-е отд., стр. 105). Въ 3-мъ мірѣ Библии—также должно первенствовать духовное начало, Богъ надъ зміемъ, который хочетъ потопить людей потопомъ, т. е. буквальнымъ пониманіемъ ея. Отсюда вытекаетъ двойственный взглядъ Сковороды на Библию: она и Богъ, и змій въ одно и то же время; вслѣдъ за блаженнымъ Августиномъ, онъ повторяетъ, что кто не возвышается до духовнаго пониманія ея, тотъ подвергаетъ себя страшнымъ опасностямъ, вмѣсто пользы получаетъ вредъ. „Коль многихъ, говоритъ онъ, погубило буквальное пониманіе разсказа о Лотовомъ пьянствѣ, о Давидовомъ прелюбодѣянніи и дѣволожствѣ и т. п. Не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жествомъ нѣжное, въ ядѣ—ядъ, въ смерти—животъ. Двѣ стороны имѣетъ библейское море; на нашемъ берегу все ветхое, пустое, жалкое, на томъ, въ той горней республикѣ, все новое, новая тварь, новое твореніе; тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. Ветхій человѣкъ стоитъ, ходитъ, сидитъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, чувствуетъ какъ кумиръ, мудрствуетъ какъ идолъ, осязаетъ какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій, ласковъ какъ крокодилъ, постояненъ какъ море, надежный какъ ледъ, равсыпчивъ какъ прахъ, исчезаетъ какъ сонъ; это—сѣнь, сонъ тлѣнь. Духовный же человѣкъ совсѣмъ иной: безпредѣльно летитъ въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана; очи его голубины, крылья орла, проворство оленя, смѣлость львиная, быстрота соколя, бодрость журавля, вѣрность горлицы, незлобіе агнца. Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ матеріей и духомъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они существуютъ въ одномъ и одно въ двоихъ

нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Отсюда Сковорода выводилъ положеніе о постоянномъ существованіи матеріи во времени и пространствѣ. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значить мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но дерево вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: *materia aeterna*, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“. Но говоря о вѣчности матеріи, Сковорода не былъ матеріалистомъ ни въ какомъ отношеніи. Совсѣмъ наоборотъ: весь смыслъ его ученія заключается въ самой рѣшительной борьбѣ съ теоріей господства матеріи. Онъ былъ убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ, можно даже сказать, крайнимъ, одностороннимъ *спиритуалистомъ*, ибо только за духомъ онъ признавалъ творческую силу. Не смотря на то, что онъ проповѣдовалъ два начала, его нельзя назвать представителемъ теоріи *дуализма*; онъ въ сущности проводилъ *монизмъ*, потому что признавалъ только единую субстанцію—духъ; на матерію же онъ смотрѣлъ, какъ на постоянный ея атрибутъ.

Если бы онъ не былъ монистомъ, то онъ не отводилъ бы матеріи чисто служебнаго значенія, не считалъ бы творческимъ элементомъ одного духа. А онъ именно представлялъ себѣ ихъ взаимное отношеніе въ такомъ видѣ. „Какое, говорилъ онъ, есть первоначальное тварей основаніе? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облекти совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. (1-е отд., стр. 19—20). Еще яснѣе развивается мысль о вѣчности и творчествѣ Духа въ слѣдующихъ словахъ самаго Сковороды. „Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если

осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть то же, что Богъ или вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде ея, ни послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ то же. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все на все. Въ ней такъ, какъ въ кольцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та же, и гдѣ началось, тамъ и кончилось... Сіе правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое; съ мѣста на мѣсто не переходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, само не предваряемое, ни заключаемое“ (2-е отд., стр. 256). И такъ, вѣчность Бога абсолютна; матерію же Сковорода называетъ вѣчною въ томъ смыслѣ, что она, будучи создана Имъ, составляетъ постоянный необходимый Его атрибутъ.

Цѣлью человѣческой жизни является внутреннее *самопознаніе* и Богопознаніе; но оба эти процесса сводятся къ одному—Богпознанію. Познать Христа прежде всего можно въ Библии, но не только въ новомъ, а и ветхомъ Заветѣ: кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ Христа; мало того, кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа; а узнавъ Его, мы и преобразимся въ него, ибо уничтожимъ въ себѣ все мертвенное, тлѣнное. Проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы стираемъ тамъ истиннаго Богочеловѣка. Ко внутреннему самопознанію приводитъ насъ Библия. „Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библию завѣсу, а Библия, тебе-жъ самого взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“. И такъ Богопознаніе приводитъ насъ къ самопознанію, и наоборотъ, исходя изъ самопознанія человѣкъ приходитъ къ Богопознанію, ибо въ каждомъ изъ насъ есть Богъ

„Богъ во плоти и плоть въ Богъ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію“. Богопознаніе необходимо даже для міропознанія: для истиннаго познанія земнаго нужно познаніе вѣчнаго. „Начало премудрости разумѣти Господа“. Такимъ образомъ источники міропознанія, самопознанія и Богопознанія (т. е. тѣхъ трехъ міровъ, о которыхъ говорилъ выше Сковорода) сходятся другъ съ другомъ, что и понятно: они имѣютъ общую основу— начало вѣчности.

Говоря о *средствахъ познанія*, которыми пользовался Сковорода, необходимо помнить, что онъ старался сочетать разумъ и вѣру. Разумъ долженъ стремиться къ отысканію истины, которая не дана человѣку Богомъ, а постепенно открывается имъ, составляя и высшую цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное наслажденіе для всякаго человѣка. Сковорода высоко ставилъ эту человѣческую мысль, съ ея непрерывнымъ движеніемъ, съ ея вѣчными поисками за птицей-истиной. Объ этой птицѣ-истинѣ онъ сочинилъ такую басню. „Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца выходилъ въ пространный вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и черезъ-чуръ смиренная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оныя птицы, веселился и тѣмъ нечувствительно провождалъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась 1000 разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скуки... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1-е) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія; 2-е) хорошее благосостояніе здравія; 3-е) пріятность дружескаго общежительства. А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю

шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ, ищущу въ нихъ начала и никогда развязать не могу. Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но если онѣ невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ". (2-е отд., стр. 255—256).

Какое глубокое пониманіе здѣсь истины, доступной чело-вѣческому разуму съ ея *относительнымъ* характеромъ, служащимъ однако постояннымъ источникомъ ея вѣчнаго поступательнаго движенія! Какое глубокое преклоненіе передъ нею, какъ самую высокую цѣлью чело-вѣческой жизни!

Разуму, какъ *средству* познанія, Скворода отводилъ первенствующее мѣсто въ познаніи всѣхъ трехъ міровъ—большого или космоса, малаго или чело-вѣка, символическаго или Библии; въ этой послѣдней разумъ долженъ открыть болѣе глубокий, духовный смыслъ. Но на ряду съ разумомъ Скворода отводилъ видное мѣсто и *вѣрѣ*, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога-Духа. Видѣть того Богочело-вѣка, котораго мы являемся тѣнью, говорилъ Скворода, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста от-верстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтя-щійся. Видитъ, любитъ и благовѣститъ его... Вѣра всю сію мимо текущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходитъ" (2-е отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библии), говоритъ Скворода, закричи съ Варухомъ— какъ великъ домъ Божій! (рув. Израильскаго змія)". „Чего досягнуть не можемъ, гово-ритъ Скворода въ другомъ мѣстѣ, не испытуймо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ на томъ помянутому Бо-жію слову. Если его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не ра-зумѣемъ самыхъ мелкихъ. А чело-вѣкъ есть маленькій мірокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемірной ма-шинѣ начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобык-^{2.}лый вкусъ причиною есть нашей бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцомъ все, что хочешь, но все тое для него пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ".

(2-е отд., стр. 19—20). Эта же вѣра является необходимой спутницей любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Грубое тѣлесное разсужденіе служитъ препятствіемъ для этой любви, а вѣра позволяетъ ему прозирать въ это блаженство вѣчности, какъ будто въ зрительную трубку. На помощь ей приходитъ также и надежда, которая удерживаетъ сердце человѣка при этой его мысли.

Спрашивается послѣ этого, можно ли Сквороду назвать рационалистомъ *pure sang*?

Такова сущность умозрительной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ религіи Сквороды. Изъ нея логически, послѣдовательно Скворода выводитъ и свою практическую философію, и свою этику—именно *ученіе о счастіи*.

Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ или, правильнѣе, во всѣхъ мірахъ, есть Вѣчность (т. е. Богъ), Скворода выводитъ отсюда, что и счастіе свое *всѣ* мы должны основать на этомъ началѣ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются обосновать свое благополучіе (богатство, чины, знатность, здоровье и т. п.), непрочное, неустойчивое и невсеобщее. *Счастіе нужно для всѣхъ и его не трудно достигчь*—вотъ формула Сквороды, въ которой онъ развиваетъ положеніе Эпикура: благодареніе блаженной натурѣ, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Эту мысль онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ трактатахъ и даже литературныхъ произведеніяхъ. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ, временномъ, непостоянномъ; одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой—на плотоугодіи, третій на здоровьѣ, но и тутъ ждетъ крушеніе.

„Одинъ, напримѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужить, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однакъ многіе, какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло-бъ ему поставить столъ, изъ десятка блюдъ состоящій, а теперь только что по шести блюдъ изволить кушать; четвертый мучится, ка-

кимъ бы образомъ не лишиться правда что мучительнаго, но при томъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не рассуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутреннею душевною экономіей, т. е. узнать себя и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность въ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ продраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала проявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосерная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и пр. (2-е отд., стр. 106—107).

Истинное счастье можетъ только дать мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ человѣку достичь его. Его не слѣдуетъ искать по сторонамъ, ибо оно внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ царствіе Божіе, т. е. душевное спокойствіе, сердечное веселіе. Достигать его можно только постепенно, шествуя путемъ этого душевнаго мира. А для этого нужно слить свою волю съ волей Божіей. Что тогда, спрашиваетъ Сковорода, можетъ потревожить сердце?

Все дѣлается премудро по волѣ Божіей, но я съ нею согласенъ,—и она уже моя воля. Чѣмъ больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастья. *Отдаться въ волю Божію* значитъ жить по природѣ, вѣрно подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе. Въ такомъ случаѣ это занятіе будетъ плодотворно и явится источникомъ душевнаго удовольствія, ибо всякій трудъ, исполняемый по влеченію, по склонности, пріятенъ. Природныя же склонности даетъ каждому изъ насъ Богъ: *царствіе Божіе внутри насъ есть*; къ этому то внутреннему голосу и нужно прислушиваться при выборѣ себѣ занятія и

не приниматься за такое дѣло, въ какомъ неспособенъ. Всѣ занятія и состоянія въ обществѣ хороши, если только берутся за нихъ по сродности. Богъ никого не обижаетъ и не обдѣляетъ, вливая въ каждаго его сродность—призывая одного къ одному, другаго къ другому, сотаго къ сотому званію, и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то уже и пріятное. Скворода картинно изображаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное встмъ равенство*. Лютя изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, веругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣ имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большому, что равно есть полный“. (2-е отд., стр. 133—134). Какое глубокое пониманіе возможнаго на землѣ счастья, основаннаго на внутреннемъ душевномъ равновѣсіи и разумномъ, правильномъ примѣненіи своихъ способностей, которыя никогда не могутъ быть у всѣхъ одинаковы! Такимъ образомъ, Скворода не вооружается ни противъ какого состоянія, класса, занятія общественнаго (въ чемъ его обвиняли нѣкоторые изъ враждебно къ нему настроенныхъ современниковъ): всѣ ихъ онъ признаетъ нужными, полезными; лишь бы только каждый выбиралъ себѣ должность и состояніе по призванію. Чрезвычайно картинно Скворода изображаетъ душевную тоску, являющуюся результатомъ недовольства избраннымъ дѣломъ. „Если отнять отъ нея (души) сродное дѣйствіе, тогда то ей смертная мука. Груститъ и мятется будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный, свѣтлѣйшій лучъ, окошка окружающій, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ расслабленіе. Тогда она ничѣмъ недовольна. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны ваютя сосѣди, не вкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалить лѣто, нравятся прошедшія Авраамскія вѣва или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулить народъ свой и своя страны

обычай, порочить натуру, ропщеть на Бога и сама на себя гнѣвается; тое одно сладкое, что невозможное; вождельнное, что минувшее; завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Невидѣнъ воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучить, мучить—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ломлетъ все и возмущаетъ, летаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проникаетъ сквозь свѣтлыя чертоги, присѣдитъ престоломъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, вѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ“. (2-е отд. стр. 129—130).

Проповѣдуя душевное спокойствіе, Сковорода естественно вооружается противъ сильныхъ эффектовъ, которые онъ отождествляетъ съ грѣхами. Въ человѣкѣ постоянно происходитъ борьба этихъ двухъ началъ—и Сковорода аллегорически изображаетъ ее въ своемъ произведеніи „*Борьба архистратига Михаила съ сатаною*“; подъ видомъ злыхъ духовъ здѣсь являются злыя, т. е. плотскія мысли въ человѣкѣ; подъ видомъ ангеловъ—доброе сердце и мысли; когда чистое сердце одолеваетъ злую бездну, тогда открывается человѣку путь на гору Господню. Мы сами себѣ устраиваемъ адъ и рай: адское царство внутри насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо и нетрудно для насъ Царство Божіе; но стоитъ человѣку освободиться отъ суетныхъ заботъ, и въ его сердцѣ воцаряется рай. Путь Царствія Божія признаютъ труднымъ только нечестивые, потому что они сами несутъ на своихъ раменахъ эти трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и подобно слѣпымъ и хромымъ спотыкаются на гладкой дорогѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, они сами, потому что Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути, но они выбираютъ трудный мірской путь вмѣсто легкаго и нужнаго Божія. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ и теорію воспитанія (кото-

рая развита въ притчѣ о благодарномъ Еродіѣ). Основная мысль Сквороды заключается въ томъ, что въ сердцѣ ребенка таится нѣчто дивное и прекрасное, и оно можетъ предохранить его впоследствии отъ увлеченія суетнымъ міромъ. Посѣй въ немъ такое зерно, и оно дастъ плодъ въ свое время. „Вы же съ благоговѣніемъ ждите, яко рабы чающіе Господа своего“... Узнавъ сіе домашнее благо и плѣннвсь прекрасною добротою его, дѣти современемъ не стануть безобразно и бѣсновато гоняться за мірскою суетою и во всѣхъ неудачахъ будутъ утѣшаться пѣсенною царя Давида: „возвратися душа моя въ покой твой“. Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, отецъ будетъ для нихъ истиннымъ воспитателемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь Скворода выступаетъ на защиту того *внутренняго* начала, которое онъ ставитъ „во главу угла и которое господствуетъ въ мірѣ и должно господствовать въ человѣкѣ. Только такое воспитаніе способно доставить душевный миръ, т. е. единственное прочное, счастье. Но и здѣсь Скворода сумѣлъ избѣжать односторонности—онъ соединяетъ науку съ этикой, отводитъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ подобающее мѣсто; мало того: онъ указываетъ и на третій и четвертый элементъ воспитанія, физическое и эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ уже родиться въ здоровой нравственной атмосферѣ, говоритъ онъ; затѣмъ такого рожденнаго на добро не трудно будетъ научить наукамъ и нравственности; тутъ главное дѣло сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣетъ отъ природныхъ дарованій; природа это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это слуга природы; учиться нужно тому, въ чему влекутъ способности; это дастъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ cadaго человѣка въ этой убогой хижинѣ, подъ этою убогою одеждою (тѣломъ)—можно найти Царя своего, домъ свой, начало вѣчности. Эта проповѣдь объ уваженіи ко всякому званію и состоянію общественному стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его *демократизмомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ шла въ разрѣзъ съ

господствовавшими тогда взглядами на привилегированное положеніе дворянства, которое и воспитываться должно было не такъ, какъ другія сословія. Сковорода же былъ противъ всякой сословной исключительности въ дѣлѣ воспитанія.

Сковорода направлялъ современное ему общество на духовную сторону христіанской религіи и въ соотвѣтствіи съ этимъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кто понималъ эту послѣднюю только внѣшнимъ образомъ, основываясь не на духъ, а на буквѣ, формѣ, обрядѣ. Онъ очень рѣзко возставалъ противъ буквального толкованія Библии, какъ источника христіанства, и его замѣчанія напоминаютъ выводы французской отрицательной философіи XVIII в. Но между этими скептиками французами и Сковородой цѣлая пропасть. Отрицаніе, иронія и сарказмъ Сковороды являлись результатомъ глубокаго увлеченія *духомъ* священнаго Писанія, его отрицаніе приводило, такимъ образомъ, къ духотворенію. Для него Библия—это болѣе даже чѣмъ священная книга, это основная, можно сказать, *единственная* книга познанія, это самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ односторонность; ставя такъ высоко духовную науку, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, а наоборотъ отдаетъ имъ должное. „Я наукъ не хую, говоритъ онъ, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что на ихъ надѣясь пренебрегаемъ верховнѣйшую науку о царствіи Божіемъ внутри насъ“. „Свѣтскія книги, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красоты суть преисполнены. Но если бы онѣ спросили Библию; для чего сами предъ нею и десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы,—и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою изъ тѣхъ же словъ и рѣчей, что и вы, да и гораздо съ худшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ водахъ моей рѣчи, какъ въ зеркалѣ, боголѣпно сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва“ (2-е отд., стр. 164). Сковорода выступалъ на защиту Библии противъ идолопоклонническихъ мудрецовъ, которые думали, что она говоритъ о мертвенной стихіи, не помы-

шляя о томъ, что во тлѣнныхъ ея образахъ сокрывается животъ вѣчный. И это превосходство Библии надъ всѣми другими книгами совершенно понятно, съ точки зрѣнія Сковороды: Библия насъ ничему другому не учитъ кромѣ Богопознанія, но это значить, что она учитъ главнѣйшему, безъ чего не можетъ обойтись никто. Отсюда ея универсальный характеръ; она необходима всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Богословскую науку онъ считалъ нужною для всѣхъ. А я вспомнилъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ его трактатѣ „Алфавитъ мира“, тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ“. Будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не одно и то же. Богословская наука выше всѣхъ свѣтскихъ наукъ. „Медицина, говорилъ Сковорода, врачуетъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе дѣлаетъ изъ рабовъ сынами и друзьями Божиими, вливая въ сердце охоту къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ“. Чѣмъ больше такихъ богослововъ въ государствѣ, тѣмъ оно счастливѣе, и не напрасно пословица гласить: доброе братство лучше богатства (2-е отд., стр. 173). Сковорода хотѣлъ осуществленія чисто христіанскаго государства и общества. Богъ, говорилъ онъ, даетъ народамъ науки и искусства; разлившись по всему корпусу политическаго организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мирнымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ домомъ Божиимъ; отдѣльный человекъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ. Но все это относится только къ истинной богословіи и истиннымъ богословамъ, т. е. стремившимся познать Духъ. Идеаломъ для нихъ долженъ служить самъ Величайшій богословъ Христосъ. Измученный дорогой, сидитъ онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ гово-

рять о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, въ надеждѣ, что авось либо проведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики Его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю посланшаго мя. И голоденъ, и жаждеть, и не весель, если не дѣлаеть и не говорить о томъ, къ чему Его предназначилъ Отець небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учитъ о царствіи Божіи, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ. (2-е отд., стр. 140).

Нисколько не отрицая значенія обрядности, онъ только старается показать, что самъ по себѣ обрядъ, или какъ онъ называется церемонія, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры, недостаточенъ. Вся сила 10 заповѣдей говоритъ онъ, состоитъ въ одномъ словѣ—любовь; на ней основанъ вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; она тотъ невидимый огонь, которымъ сердце восплаляется къ Богу и его волѣ, а посему и самъ Богъ называется любовью. Но эта Божественная любовь (т. е. Богъ) имѣетъ внѣшніе признаки; они то называются церемоніями или образами, формами благочестія. И такъ, церемонія по отношенію къ благочестію есть то, что на зернахъ шелуха. Если же сія маска лишена силы (т. е. благочестія), то остается одна лицемѣрная обманчивость, а человекъ—гробомъ раскрашеннымъ; обрядъ можетъ выполнять самый несчастный бездѣльникъ. Существуетъ глубокая разница между обрядомъ и его смысломъ, церемонія является только тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость и любовь. На что намъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, мѣстоположенія тлѣннаго рая? На что намъ родословія историчная?

Какую пользу принесетъ душѣ изслѣдованіе о формѣ и мѣрѣ Ковчега? Къ чему исцѣленіе и воскресеніе плотское, если чело-вѣкъ снова умираетъ? Возставая противъ бездушнѣйшей внѣшности, Сковорода вооружался и противъ тѣхъ (а такихъ было не мало), которые думали, что одно монашеское одѣяніе даетъ спасеніе чело-вѣку. Извѣстны его рѣзкія выраженія противъ современна-го ему монашества. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его при-нять монашество, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „раз-вѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число Фарисеевъ? Ыщите жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, ма-лодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы приобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самого въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, да-бы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы чело-вѣческой“ (См. еще примѣръ, въ 1-мъ отд. (на 21 стр.). Такъ это рассказываетъ Ковалинскій. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сковорода не былъ от-рицателемъ: онъ возставалъ противъ монашества не въ его идеѣ, а только въ практическомъ осуществленіи, въ тѣхъ проявлені-яхъ, какія онъ видѣлъ въ современной ему дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно его письмо къ Ковалинскому (1-е отд., стр. 45). Въ немъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ истинному монашеству и разъясняетъ свою мысль Ковалинскому, приводя цитаты изъ книги о мона-шествѣ Эвагрія, которую онъ въ то время читалъ. Народъ христіанскій дурно понимаетъ монашество, говоритъ онъ. Гла-вою ученыхъ богослововъ былъ Христосъ; высшимъ же мона-хомъ ученикъ христовъ, который старается быть во всемъ по-добенъ своему учителю. Ты скажешь, что апостоль выше мо-наха. Сознаюсь, но вѣдь и апостоль дѣлается изъ монаха, ко-торый пока собою управляетъ, до тѣхъ поръ онъ монахъ, а если направляетъ также и другихъ на правильный путь, то дѣ-лается апостоломъ. Христосъ пока былъ въ пустыни, былъ мо-нахомъ, т. е. совершенно невещественнымъ. Такъ устанавли-

ваеть Скворода связь и вмѣстѣ съ тѣмъ разницу между отшельникомъ и проповѣдникомъ. Естественно, что, ставя такъ высоко монашеское званіе, предъявляя къ нему такія огромныя требованія, Скворода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые только надѣвали на себя монашеское платье, не отставъ отъ земного. „Хочешь ли быть Павломъ Ѳивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Саввою освященнымъ? Лицемѣре! Къ чему жъ тебѣ финиѳова епанча Павлова! Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишонъ Пахоміевъ? Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Какая же польза сею маскою сокрывать тебѣ смиренное твое сердце?.. Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца этихъ монаховъ-отшельниковъ (2-е отд. стр. 76). Не менѣе сильно, рѣзко вооружается Скворода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ картинное сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица челоуѳковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шею каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколь везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи. Горе имъ, горе! Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаиль. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно во псалтирь барабанятъ. Строятъ козни и снабдѣвають. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣднимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлюющіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія,

десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ песокъ Иорданской съ деньгами. Обвѣщенные же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящися и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожныя ихъ пѣсни Божія.

Боже, возстави, что сиши?
 Почто насъ не радиши?
 Се путь беззаконныхъ цвѣтетъ!
 На путехъ ихъ бѣдностей нѣтъ.
 Мы жъ Тебѣ свѣчици ставимъ,
 Всякій день молебны правимъ,
 И забылъ ты всѣхъ насъ!
 Два раза постимъ въ недѣлю,
 Въ постъ не уживаемъ хмѣлю,
 Странствуемъ по святымъ градамъ,
 Молимся и дома, и тамъ,
 Хоть псалтыри не внимаемъ,
 Но наизустъ ее знаемъ.
 И забылъ ты всѣхъ насъ!
 Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
 Дажь намъ богатство всѣхъ языкъ!
 Тогда то Тебе прославимъ,
 Златыя свѣчи поставимъ,
 И всѣ храмы позлащенны
 Возшумлять Твоихъ шумъ пѣній—
 Тоемо даждь намъ вѣкъ златъ!

(2-е отд., стр. 205—206).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога. Черезъ все проходитъ одна основная мысль о двухъ началахъ, проникающихъ все сущее, и объ огромномъ преимуществѣ одного изъ нихъ—начала Вѣчности или Бога. Изъ этой идеи Сковорода выводитъ и свою теорію воспитанія; отсюда же вытекаютъ его взгляды на такія явленія, какъ религіозный бытъ современнаго ему общества, монашество и т. п. Вездѣ и всегда онъ проповѣдывалъ превосходство Духа надъ матеріей, вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Въ этомъ весь смыслъ его ученія, въ этомъ и его

историческая заслуга. Такой выводъ мы дѣлаемъ, основываясь на совокупности всѣхъ его *учено-литературныхъ трудовъ*, и это, конечно, является достаточною гарантіею, что мы вѣрно поняли и представили его міросозерцаніе.

Д. И. Багалъй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Українскій філософъ Григорій Саввичъ Сковорода¹⁾.

ГЛАВА 2-я.

Значеніе Г. С. Сковороды.

Познакомивъ читателя съ міросозерцаніемъ и жизнью Сковороды, мы тѣмъ самимъ дали нѣкоторый матеріалъ и для сужденія о значеніи его. Но это на столько важный и сложный вопросъ, что на немъ нужно остановиться подробнѣе, ему необходимо посвятить отдѣльную главу, тѣмъ болѣе, что въ изслѣдованіяхъ, касающихся его личности и ученія, объ этомъ мы находимъ только отрывочныя и далеко не всегда обоснованныя замѣчанія. Да и едва ли возможно было раньше, когда большая часть его важнѣйшихъ трудовъ не была извѣстна ученому міру, сдѣлать оцѣнку ихъ литературнаго значенія; тогда можно было говорить только о непосредственномъ вліяніи его личности и оригинальнаго характера, да и то не съ такою полнотою и обстоятельностью, какія возможны теперь для насъ, благодаря новымъ біографическимъ матеріаламъ.

Но мы ясно представляемъ себѣ затрудненія, ожидающія насъ при рѣшеніи даннаго вопроса; мы прекрасно понимаемъ, какъ легко вообще впасть въ крайности при оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей стараго времени: размѣры всякихъ вліяній съ трудомъ вообще, по самому характеру своему, поддаются точному опредѣленію, а между тѣмъ мы должны дать

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ № 3 1895 г.

именно опредѣленіе, которое представляло бы значеніе дѣятеля и не въ уменьшенномъ, и не въ увеличенномъ масштабѣ; въ одномъ случаѣ мы будемъ не правы передъ памятью покойника, въ другомъ—передъ современными читателями. Въ виду всего этого мы постараемся основывать свои выводы исключительно на документальныхъ данныхъ, руководствуясь въ сужденіяхъ тою осторожностью, которая обязательна для всякаго объективнаго историка.

Въ вопросѣ о значеніи Г. С. Сковороды нужно различать двѣ стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ Г. С. Сковородой, какъ съ мыслителемъ. Онъ желалъ распространенія своихъ идей въ современномъ ему обществѣ, употреблялъ для этого извѣстныя средства и достигалъ своей цѣли, съ одной стороны, посредствомъ устной проповѣди, а съ другой—посредствомъ своихъ сочиненій; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ также живой, наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ, какъ мы видѣли, совершенно осуществилъ требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда, Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но причину этого явленія мы объяснили уже выше¹⁾: это зависѣло главнымъ образомъ отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и выходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украины. У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей, и они въ свою очередь давали ихъ списывать другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30 лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества. У него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ 1-е отд. стр. I—II.

останавливался и проживалъ подолгу или захаживалъ въ гости, и среди духовенства, и среди свѣтскаго общества: съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками и предрасудками.

Почти полное собраніе сочиненій Сквороды было, напимѣръ, у его ученика и друга М. И. Ковалинскаго; все это были автографы Сквороды, присланные ему въ даръ по большей части съ посвятительными письмами; въ 4-хъ сборникахъ, находящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ, ихъ содержится 12; въ 5-мъ заключаются письма Сквороды, при чемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что сюда внесены и нѣкоторыя письма, адресованныя не къ Ковалинскому (копіи 2-хъ писемъ къ В. М. Зембровскому, копіи письма къ какому то Ивану Васильевичу и неизвѣстному, оригиналъ письма къ нѣкому Василю Максимовичу¹⁾). Коллекцію Сквородинскихъ трудовъ имѣлъ протоіерей Ѳед. Залѣсскій; она была пожертвована въ бібліотеку харьковскаго университета его сыномъ священникомъ о. Михайломъ въ отвѣтъ на обращеніе Измаила Ивановича Срезневскаго. Любопытное письмо его, какъ отраженіе взглядовъ консервативнаго представителя послѣдующаго поколѣнія, мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Усердно заботился о собраніи рукописныхъ трудовъ Г. С. Сквороды свящ. Іаковъ Правицкій, какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной недавно Вс. Изм. Срезневскимъ. „Если ты уже переписалъ мои новыя сочиненія, пишетъ Скворода Правицкому, то верни ко мнѣ оригиналы; также пришли вмѣстѣ съ оригиналами и тотъ мой діалогъ, который ты обыкновенно хвалишь болѣе другихъ; по перепискѣ онъ будетъ присланъ тебѣ обратно²⁾“. Въ другомъ письмѣ Г. С. Скворода пишетъ: „Не печися о „Разговорѣ Марка“. Онъ всегда есть вашъ и возвратится въ твою книгохранку. „Лотову жену“ хочется докончатъ. Однакъ принесу съ собою, да

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сквороды, 1-е отд., стр. СХІ—СХІІ, 109—112, 116, 129.

²⁾ Письма Г. С. Сквороды къ св. Я. Правицкому, стр. 9, 10.

написанное выпишете ¹⁾“. Нѣсколько позже Григорій Саввичъ писалъ: „прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ „Жену Лотову“. Весною хочу васъ посѣтить, аще Богу угодно, и привезу. Аще же (желаете получить сейчасъ), тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться; тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича (Сошальскаго). Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною во пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея ²⁾“. Г. С. Скворода, отдавая своимъ друзьямъ автографы, самъ подъ часъ долженъ былъ просить о возвращеніи ихъ, чтобы сдѣлать для себя новый списокъ. „Пришлите мнѣ, пишетъ онъ Правицкому, симфонію „Аще не увѣси самую себе“. Переписавъ паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ „Жену Лотову“ ³⁾. Четвертымъ извѣстнымъ намъ хранителемъ Сквородинскихъ трудовъ былъ его почитатель, проживавшій въ г. Острогжскѣ и переписавшій для себя его басни и письма къ пріятелямъ ⁴⁾. Раньше мы высказали предположеніе, что это могъ быть другъ Г. С. Сквороды острогжскій помѣщикъ Тевяшовъ, отецъ котораго былъ полковникомъ Острогжскаго Слободскаго полка и находился также въ дружескихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Саввичемъ; не будемъ повторять теперь соображеній, которыя мы приводили въ пользу своей догадки ⁵⁾. Но этимъ, конечно, далеко не исчерпываются коллекціи рукописей Сквороды; ихъ было въ старину несравненно больше, но только мы не знаемъ именъ собирателей. Мы приводили выше письмо г. П. Д. Мартыновича ⁶⁾, изъ котораго видно, что рукописи Сквороды были у очень многихъ священниковъ полтавской губерніи, гдѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ Скворода. По всей вѣроятности, изъ этого источника составили свои собранія сочиненій Сквороды знаменитые харьковскіе преосвященные — Иннокентій (Борисовъ) и Филаретъ

¹⁾ *Ib.*, стр. 11.

²⁾ *Ibidem.* стр. 13.

³⁾ *Ibidem.*, стр. 14.

⁴⁾ Сочиненія Г. С. Сквороды. 1-е отд., стр. СХІІ.

⁵⁾ *Ibidem.*, 1 е отд., стр. СХV.

⁶⁾ *Ibidem.*, 1 е отд., стр. СХХІІІ.

(Гумилевскій), столь высоко цѣнившіе память Сквороды (первый передалъ свою коллекцію Гр. Петр. Данилевскому, а второй С. И. Миропольскому, отъ котораго она поступила въ церковно - археологическій музей кіевской духовной академіи). Къ сожалѣнію, мы ничего опредѣленнаго не можемъ сказать о происхожденіи коллекцій московской духовной академіи и хранилища покойнаго гр. А. С. Уварова. Во всякомъ случаѣ изъ всего того, что намъ извѣстно о рукописяхъ Гр. Сав. Сквороды, можно прійти къ заключенію, что друзья охотно собирали его труды, ибо и самая эта дружба въ значительной степени основывалась на уваженіи къ учености Сквороды. При томъ и самъ Скворода обыкновенно посвящалъ свои труды пріятелямъ; и понятное дѣло, что тотъ, кто получилъ одно сочиненіе, хотѣлъ имѣть и списывать для себя и другія. Здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку относительно тѣхъ лицъ, среди которыхъ Скворода желалъ распространенія своихъ сочиненій. Существовала несомнѣнная разница въ этомъ отношеніи между Сквородой и современными авторами. Современные писатели издають свои книги, не имѣя въ виду опредѣленныхъ читателей, одинаково какъ для друзей, такъ и для враговъ своихъ мыслей. Иначе относился къ этому дѣлу Скворода: онъ желалъ распространенія своихъ рукописей среди сочувствующихъ его возрѣніямъ лицъ и не безъ основанія боялся, чтобы они не попадали къ его врагамъ, которые могли извратить его мысли и придать имъ такой смыслъ, какого онъ не имѣлъ, что могло повлечь за собою серьезныя для него непріятности. Доказательствомъ этого можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Правицкому: „вы, снится мнѣ, переписали „Михайлову борьбу“ и паки требуете? Обаче посылаю, негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много, обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не! *Mavolo apud te eam interire, quam volutari manibus impioribus* (Я предпочитаю, чтобы она погибла у тебя, чѣмъ вращалась въ нечестивыхъ рукахъ). Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, читатели Сквороды были по большей части и почитателями его; враги же его мнѣній судили о немъ повидимому больше по слухамъ и,

какъ увидимъ далѣе, выставляли противъ него такія обвиненія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Это, конечно, объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Сквороды не печатались при его жизни и, слѣдовательно, не могли вызвать печатной же критики. Въ силу этого, съ одной стороны, и въ силу ореола, которымъ была окружена его личность, съ другой, явилось у многихъ почитателей его благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное, отношеніе къ его идеямъ и трудамъ, желаніе хранить эти послѣдніе, какъ драгоценность, какъ источникъ мудрости, какъ дань уваженія къ своему родному философу“. Любопытнымъ доказательствомъ такого благоговѣйнаго отношенія къ сочиненіямъ Сквороды, характернымъ примѣромъ впечатлѣнія, которое они производили на современниковъ, можетъ служить надпись, найденная нами на одной изъ его рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ; она тѣмъ болѣе любопытна, что имѣетъ точную хронологическую дату—1797 г. (прошло, слѣдовательно, всего 3 года со дня смерти Сквороды). Рукопись эта—автографъ Сквороды и заключаетъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ критическихъ трактатовъ его—*Потоки Зміинъ*. Въ концѣ ея на чистой страницѣ мы находимъ слѣдующую приписку, написанную другимъ почеркомъ: „О мужъ, умудренный свыше! Великое заслужилъ благодареніе! Но къ понятію ученія, тобою открытаго, потребенъ умъ небесный и животъ смерти не ожидающій. Вся духъ. Вся животъ. Вся Божественная и чувственности непричастная. Не трудно вѣрить, если въ точности міра сокровеннаго всѣ начала открыть. Благодарю за одолженіе... Аще не все сокровище ощутихъ, но крупицы златыхъ веществъ блещутъ въ глубокомъ положеніи. Декабря 16 дня 1797 году. Нижайшій слуга подвижникъ въ напастѣхъ или паче искушеніяхъ извѣстный... Къ какому званію сословію и состоянію принадлежитъ авторъ этой приписки, съ точностью сказать нельзя, но можно догадываться, что это былъ монахъ; во всякомъ случаѣ, хотя онъ сознался, что не все уразумѣлъ, однако основную мысль сочиненія онъ усвоилъ вполне (истинная жизнь есть жизнь духа).

Спрашивается теперь: въ чемъ заключалась сущность идейной проповѣди Сквороды, ея вліянія на современное ему общество. Намъ кажется, что мы едва ли ошибемся, если выразимъ ее въ двухъ основныхъ положеніяхъ: съ одной стороны, Скворода пробуждалъ критическую мысль своихъ современниковъ, съ другой—настойчиво проводилъ въ обществѣ нравственный идеалъ. Правда, его критика была направлена исключительно на библейскіе тексты и вовсе, можно сказать, не затрагивала другихъ интересовъ тогдашняго общества—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Скворода отмежевалъ себѣ извѣстную сферу жизни—религіозную и въ ней одной почти замкнулся (говоримъ *почти*, потому что по связи съ религіей онъ касается и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напри- мѣръ, воспитанія). Но не слѣдуетъ забывать, что эта религіозная сфера имѣла первенствующее значеніе въ тогдашней культурной жизни. При томъ, богословіе Сквороды, какъ мы видѣли, отличалось, во 1-хъ, очень универсальнымъ характеромъ, а, во 2-хъ, тѣснымъ органическимъ образомъ было связано съ философіей т. е. наукой. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не правъ новѣйшій рецензентъ¹⁾ сочиненій Сквороды, утверждающій, что внутреннее содержаніе ихъ не имѣло особеннаго, важнаго значенія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только стать на историческую точку зрѣнія (обязательную въ данномъ случаѣ), стоитъ только вспомнить, какое огромное значеніе имѣли во *всемъ* слободскоукраинскомъ обществѣ XVIII в. (какъ духовномъ, такъ и *свѣтскомъ*) религіозные интересы, какъ тѣсно связаны они были съ просвѣщеніемъ, начальнымъ народнымъ образованіемъ и дѣлами благотворительности. И вотъ Скворода является со своимъ *новымъ словомъ* въ этихъ именно религіозныхъ вопросахъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе, вноситъ критическій духъ въ изученіе и пониманіе основного источника Богопознанія Библии, другими словами является въ извѣстномъ смыслѣ этого слова *религіознымъ рефор-*

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1895, январь; тоже самое нужно сказать и о статьѣ г. Никольскаго „Украинскій Сократъ“ (Ист. Вѣст. 1895, № 4).

маторомъ; ему были присущи нѣкоторыя черты, свойственныя религіознымъ реформаторамъ вообще. Самъ онъ лично, несомнѣнно, шелъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда внѣшнимъ, обрядовымъ отношеніемъ къ православной вѣрѣ и весьма замѣтно уклонился въ сторону *чисто духовнаго* пониманія христіанства. Но этого мало: если бы онъ остановился на этомъ, онъ остался бы только *религіознымъ мыслителемъ*; а между тѣмъ онъ *сознательно* стремился къ *проповѣди* своего ученія, къ живой и дѣятельной его пропагандѣ, какъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ, такъ и посредствомъ сочиненій и писемъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, ему удалось создать *историческую обстановку* для своего ученія—найти послѣдователей, выдерживать нападки оппозиціи и, наконецъ, оставить свое духовное наследіе ученикамъ и почитателямъ. Превжніе изслѣдователи преимущественно придавали значеніе этической сторонѣ въ проповѣди Сквороды; теперь, познакомившись съ его сочиненіями, мы убѣждаемся, что самъ онъ ставилъ на первый планъ умозрительную часть своей философіи; такое мѣсто она занимаетъ у него и въ дѣйствительности. Вотъ съ такой-то двухсторонней проповѣдью (умозрительнаго и этического характера) онъ обращался къ представителямъ всѣхъ классовъ слободско-украинскаго общества—и къ духовенству (черному и бѣлому), и къ дворянству, и къ городскому сословію, и къ козачеству, и къ крестьянству.

Связи его съ духовенствомъ были весьма прочны: можно сказать, что это была та общественная группа, къ которой у него было наиболѣе тяготѣнія, съ представителями которой онъ чувствовалъ себя лучше всего, какъ будто въ собственной семьѣ. Хотя самъ Скворода былъ козацкій сынъ, вышелъ изъ козацкаго сословія, но по воспитанію своему онъ совершенно сроднился съ духовенствомъ: сюда ввело его пребываніе въ кіевской духовной академіи и послѣдующая педагогическая дѣятельность въ переяславскомъ и харьковскомъ духовномъ коллегіумахъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что нѣкоторые изслѣдователи даже считали его сыномъ священника. Не менѣе характерны настойчивыя просьбы со стороны его друзей-монаховъ

о принятіи имъ монашества; очевидно, что его считали вполне подходящимъ кандидатомъ на какую либо изъ церковно-іерархическихъ должностей. Да это и понятно; не нося монашескаго клобука, онъ *по жизни* своей былъ болѣе монахъ, чѣмъ настоящіе монахи. Живя въ мірѣ, онъ, можно сказать, вполне удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя составляли основу монастырской жизни (полная нестяжательность, постъ, умерщвление плоти, удаленіе отъ женщинъ, молитва, благочестивыя размышленія, проповѣдь чистой любви къ Богу, матеріальная и нравственная помощь ближнему). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить характеристику его образа жизни въ бытность преподавателемъ харьковскаго коллегіума, какъ ее изображаетъ Ковалинскій, и затѣмъ обратить вниманіе на дополнительный матеріаль, доставляемый самимъ Сковородой въ его латинскихъ письмахъ къ тому же Ковалинскому. Тутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является передъ нами даже какъ будто съ чертами монаховъ аскетовъ, вооружаясь, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи противъ трехъ враговъ христіанина— свѣта, женщины и діавола ¹⁾ (въ дѣйствительности, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ аскетомъ). Монастыри вообще привлекали его къ себѣ, въ особенности такіе, въ которыхъ онъ находилъ расположенныхъ или сочувствующихъ себѣ настоятелей и монаховъ. Послѣ изгнанія своего изъ переяславскаго коллегіума, онъ, напримѣръ, охотно ѣдетъ съ пріятелемъ своимъ Калиграфомъ (отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ) въ Троицко-Сергіевскую лавру и тамъ пользуется дружбою настоятеля ея Кирилла, отличавшагося глубокою ученостью и бывшаго впоследствии черниговскимъ епископомъ. Такъ рассказываетъ Ковалинскій ²⁾. Мы къ этому прибавимъ, что этотъ Кириллъ былъ землякъ Григорія Саввича; онъ былъ сынъ сотеннаго писаря Александра Ляшевецкаго, впоследствии священника села Глинскаго; слѣдовательно, подобно Сковородѣ, также происходилъ изъ козацкаго званія. Вообще слѣдуетъ за-

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 93.

²⁾ Ibidem, стр. 5.

мѣтить, что въ старой Малороссіи и слободской украинѣ въ духовное званіе поступали очень часто представители свѣтскаго общества (изъ рядовъ козацкой старшины и простаго козачества). Духовенство не было обособлено тогда такъ, какъ теперь; можно сказать, что ряды его замѣтно пополнялись лицами, вышедшими изъ свѣтскаго общества. Такимъ образомъ, и на Сковороду не смотрѣли, какъ на homo novus, какъ на представителя другой среды. Кирилль Ляшевецкій, по окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, сдѣлался первымъ наставникомъ, префектомъ и ректоромъ Сергіевской семинаріи; сюда въ семинарію, онъ, очевидно, приглашалъ въ качествѣ наставника и Сковороду. Въ 1761 г. онъ занялъ епископскую кафедру въ Черниговѣ, а умирая, оставилъ бібліотеку изъ 555 книгъ на русскомъ и 380 на иностранныхъ языкахъ ¹⁾. Сковороду всячески хотѣли оставить на постоянное жительство въ самой замѣчательной обители Московской Руси. По всей вѣроятности, въ этому Кириллу адресовано и напечатанное нами подъ № 15 письмо на латинскомъ языкѣ съ обращеніемъ *γνήσις ἀμίσε, jucundissime Cyrille!*“, посвященное духовному пониманію христіанства. Оно весьма характерно, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сковорода не стѣснялся излагать свои идеи, далеко не сходныя съ господствующими взглядами, и передъ такими высокостоящими въ церковной іерархіи личностями, какъ намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры. Достаточно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы искать Бога не въ однихъ храмахъ, а и внутри себя, чтобы проникать въ сокровенный смыслъ таинствъ. И любопытно, что Кирилль поддерживалъ переписку со Сковородой, считалъ его своимъ другомъ, желалъ имѣть его у себя преподавателемъ. Онъ уважалъ Сковородинскую ученость, и это уваженіе, и эта дружба, конечно, были хорошо извѣстны лаврскимъ монахамъ, передъ которыми Сковорода также, очевидно,

¹⁾ Такъ говоритъ арх. Филаретъ (Ист. Стат. опис. Черн. еп., кн. V—стр. 99—101. Но Аскоченскій нѣсколько расходится съ пр. Филаретомъ и утверждаетъ, что Кирилль былъ преподавателемъ духовной академіи, за тѣмъ префектомъ въ ней и только потомъ уже сдѣлался намѣстникомъ лавры (Кіевъ съ древн. его учил. ч. 2-я, стр. 126).

не скрывалъ (это не было въ его натурѣ) своихъ воззрѣній. Проживая въ лаврѣ, Сковорода предавался тутъ своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, на это намекаетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Ковалинскому: посылая ему свою латинскую эпиграмму (о томъ, что музы не должны служить Венерѣ), онъ прибавляетъ, что читалъ подобную среди греческихъ эпиграммъ, проживая въ Троицко-Сергіевской обители¹⁾. Уходя изъ лавры, Сковорода оставилъ тамъ по себѣ память, какъ ученый и другъ Кирилла²⁾. Вообще нужно сказать, что Сковороду уважали и цѣнили наиболѣе образованные и ученые представители церковной іерархіи. Такъ, извѣстно, что преподавателемъ въ харьковскій коллегіумъ его первоначально назначилъ, по рекомендаціи бывшаго переяславскаго игумена Гервасія Якубовича, епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ. „Іоасафъ, говоритъ Ковалинскій, пригласилъ Гервасія раздѣлится съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года³⁾“. Епископъ Іоасафъ Миткевичъ до 1748 г. былъ преподавателемъ новгородской семинаріи, а потомъ ректоромъ въ ней, архимандритомъ Хутынскаго монастыря и епископомъ Бѣлгородскимъ⁴⁾. О добрыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между преосвященнымъ и Сковородой, свидѣтельствуется стихотвореніе этого послѣдняго (въ садѣ Божественныхъ пѣсней)⁵⁾ на память о посѣщеніи этимъ епископомъ харьковскаго коллегіума. Очевидно, Сковорода считалъ его образцовымъ духовнымъ пастыремъ, ибо обращается къ нему между прочимъ съ такими выраженіями:

Пастырь нашъ! Образъ Христовъ,
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый,

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 99.

²⁾ Ibidem, стр. 5.

³⁾ Ibidem, стр. 9.

⁴⁾ Аскаченскій. Кіевъ съ его древн. училищемъ, II, стр. 127—128.

⁵⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 2-е отд., стр. 281—282.

Зерцало чистое добротъ!...
 Ты садъ напои, сей святой садъ,
 Твоемъ водъ благочестивыхъ
 Зъ самыхъ апостольскихъ ключей.
 Не допусти ересей ядъ.

Не листъ на немъ (на деревѣ) будетъ пустой
 Лицемерно лстящъ, но вскорѣ
 Весь плодъ духовный принесетъ
 Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь
 И иный весь святой родъ таковъ.

Затѣмъ далѣе про мѣтодія прибавлено: „сей архіерей родился близъ Кіева, во градѣ Козельцѣ. Былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престоль чувства, любви свѣтильникъ. Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я, свято и благочестиво, три лѣта—1760-е и 1763-е и 1764-е, въ кое преставился отъ земли въ небеснымъ, былъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною моею любовію. Сего ради именемъ всѣхъ, любящихъ Бога и Божіи книги и Божія други во память его и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и чедовѣческому, якоже лепгу, приношу сію пѣснь отъ мене, любитель священныя Библии Григорій Вар-Сава Скворода“. По всей вѣроятности ему же посвящено еще и другое стихотвореніе Сквороды на латинскомъ языкѣ (*In natalem Bilogrodensis episcopi*)¹⁾, въ которомъ высказываются пожеланія долгой и счастливой жизни. Съ Гервасіемъ Якубовичемъ у Сквороды установились дружескія отношенія еще въ Переяславѣ; объ этомъ свидѣтельствуется стихотвореніе Сквороды, носящее слѣдующее заглавіе: „Пѣснь отходная (25-я) отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ, изъ сего зерна *Господь сохранитъ входеніе твое и исхожденіе твое, не дастъ во смятеніе нош*²⁾ твоя. Начинается она такъ:

Ѣдешь, хочешь насъ оставить?
 Ѣдь же весель, цѣлый, здравый!
 Будь тебѣ вѣтры погодны,

¹⁾ Ibidem, стр. 297.

²⁾ Ibidem, стр. 279.

Тихи, жарки, ни холодны:
Щастливъ тебѣ путь вездѣ отсель будь!

Путныи исчезнутъ страхи;
Спите подорожны прахи;
Скоропослушныи кони
Да несутъ, какъ по долови
Щастливымъ слѣдомъ, какъ гладенькимъ льдомъ.

Объясняется же оно такъ:

Радуйся страна щастлива!
Пріймешь мужа добротлива.
Брось завистливыи нравы!
Вѣренъ есть его познавый...

Быть можетъ, и Гервасій Якубовичъ имѣлъ какія либо отношенія къ переяславскому коллегіуму, гдѣ преподавалъ Г. С. Сковорода. Во всякомъ случаѣ эти добрыя отношенія продолжались и въ новомъ мѣстѣ служенія Гервасія. Гервасій былъ очень близокъ къ епископу Іоасафу и, по словамъ Ковалинскаго, „представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше“—и „епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія“. По окончаніи 1-го года преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, Сковорода пріѣзжаетъ на ваникулы къ Іоасафу. Епископъ, желая навсегда удержать Сковороду при училищѣ, поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая довести его скоро до сана высокаго духовенства“. Гервасій сталъ убѣждать Сковороду, указывая на желаніе архіерея и на предстоящую ему честь и славу на этомъ поприщѣ. Но извѣстно, какъ рѣзко¹⁾ отвѣтилъ ему Сковорода, „возревновавъ по истинѣ“. Гервасій упрашивалъ его принять монашество во имя дружбы ихъ, ради пользы церкви; но Сковорода остался непреклоненъ и, видя холодность къ себѣ Гервасія, попросилъ у него для себя благословенія и удалился изъ Бѣлгорода „въ пустыню“ къ одному изъ пріятелей. Іоасафъ, которому Гервасій доложилъ о происшедшемъ, не разсердился на Сковороду, а только пожалѣлъ объ его отвязѣ; очевидно, онъ понялъ его побужденія въ этомъ дѣлѣ. Мало того:

¹⁾ Развѣ вы хотите, сказалъ Сковорода, чтобъ я и умножилъ число фарисеевъ?... Ышьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте“, и затѣмъ изложилъ свой взглядъ на монашество.

не желая лишаться добросовѣстнаго и талантливаго преподавателя, дарованія котораго онъ признавалъ во всей ихъ силѣ, Іоасафъ снова дружески предложилъ Сквородѣ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ—и тотъ его охотно принялъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Скворода остался вѣренъ себѣ и своему характеру: онъ смѣло и рѣзко высказалъ свой взглядъ на современное ему монашество передъ представителями этого послѣдняго; его не остановили ни боязнь потерять мѣсто, ни дружба съ Гервасіемъ, который послѣ этого сдѣлался въ нему холоденъ; у него, очевидно, существовала потребность высказываться по поводу основныхъ вопросовъ церковной жизни и распространять свои идеи даже въ той самой средѣ, противъ консерватизма которой онъ вооружался; другими словами, мыслитель въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ, пропагандистомъ. Любопытна въ этомъ дѣлѣ еще одна подробность—однимъ изъ побужденій для Сквороды снова принять на себя учительскую должность въ Харьковѣ явилось желаніе воспитать въ своемъ духѣ новаго молодого друга, М. И. Ковалинскаго¹⁾.

Точно также прямо и откровенно высказывался Скворода во время пребыванія своего въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, куда онъ поѣхалъ съ Ковалинскимъ. „Онъ былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества“. Не ограничиваясь, впрочемъ, Ковалинскимъ, Скворода велъ бесѣды и излагалъ свои возрѣнія и передъ многими другими. „Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо; ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители“. И что же отвѣтилъ имъ Скворода? „Ахъ, преподобные, возразилъ онъ въ горячности, я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ, столбовъ не отесанныхъ въ храмѣ

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сквороды, 1-е отд., стр. 12.

Божіемъ“. Старцы замолчали, а Сковорода продолжалъ: „Риза! риза! Коль немногихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честью, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею; но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастье свое, не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней“. Такъ рассказываетъ очевидецъ Ковалинскій, и такую именно рѣчь могъ и долженъ былъ произносить Сковорода; она точно выражаетъ его отношеніе къ монашеству и вполне гармонируетъ съ общимъ его міровозрѣніемъ. Ставя чрезвычайно высоко древнее кіевское монашество, выказывая глубокое уваженіе къ тѣмъ подвижникамъ, мощи которыхъ лежали въ Печерской Лаврѣ, онъ относился отрицательно къ современному монашеству, потому что въ немъ было одно только наружное благочестіе, а онъ постоянно призывалъ всѣхъ ко внутреннему,—къ святости сердца. И его откровенное слово не могло пройти безслѣдно; оно должно было оказать извѣстное дѣйствіе на слушателей. И дѣйствительно, Ковалинскій рассказываетъ, что монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая такія рѣчи, а одинъ изъ нихъ попросилъ Сковороду и Ковалинскаго прогуляться съ ними за монастырь и тамъ, усадивши ихъ на горѣ надъ Днѣпромъ, обнялъ Сковороду и сказалъ: „О мудрый мужъ! Я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою; могу ли я?... Сковорода отвѣтилъ: отъ человѣка невозможно, отъ Бога же вся возможна суть 1)“.

Въ 1766 году Сковорода снова занялся педагогической дѣятельностью въ харьковскомъ коллегіумѣ, состоявшемъ при харьковскомъ Цюковскомъ монастырѣ, но на тотъ разъ преподавалъ обучающимся здѣсь дворянскимъ дѣтямъ правила христіанскаго добронравія. Это открыло ему путь для широкой про-

1) Ibidem, стр. 21.

повѣди его оригинальныхъ идей. Мы имѣемъ полную возможность судить объ этихъ идеяхъ, потому что впоследствии онъ написалъ сочиненіе („Начальная дверь ко христіанскому добродравію“)¹⁾, въ которомъ, въ сжатой, конспективной формѣ, изложилъ свои лекціи. На этотъ разъ онъ вовсе отказался даже отъ платы за преподаваніе, полагая для себя достаточнымъ вознагражденіемъ сознаніе той пользы, которую будетъ приносить своими чтеніями слушателямъ²⁾; столь сильна у него была потребность имѣть аудиторію для распространенія своихъ мыслей среди молодого поколѣнія!

Но и оставивъ учительскую должность, порвавъ связи съ монахами въ педагогической сферѣ, устроивъ себѣ окончательно страннической образъ жизни, Сковорода любилъ останавливаться въ монастыряхъ, находя тамъ для себя пріютъ и уединеніе и дружескую привязанность. Такъ, онъ еще разъ посѣтилъ Кіевъ и три мѣсяца прожилъ у своего родственника, настоятеля Китаевской пустыни, Іустина. Удалившись изъ Кіева, онъ поселился въ Ахтырскомъ монастырѣ у своего пріятеля архимандрита Венедикта; прекрасное мѣстоположеніе монастыря и расположеніе этого добродушнаго монаха дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ: тутъ онъ углублялся въ себя и предавался самопознанію³⁾. По словамъ Ковалинскаго, онъ проживалъ въ слѣдующихъ монастыряхъ—старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ⁴⁾, ахтырскомъ⁵⁾, сумскомъ⁶⁾, святогорскомъ⁷⁾ сеньянскомъ⁸⁾ и, прибавимъ отъ себя, куряжскомъ⁹⁾,

¹⁾ Ibidem, 2-е отд. стр. 183—192.

²⁾ Ibidem, 1 е отд., стр. 24.

³⁾ Ibidem, стр. 27—28.

⁴⁾ При немъ возникъ коллегіумъ.

⁵⁾ Ахтырскій Троицкій монастырь въ 4-хъ верстахъ отъ г. Ахтырки (уѣздный городъ харьк. губ.); отличается своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Святогорской обители.

⁶⁾ Нынѣ упраздненный; прежде находился недалеко отъ г. Сумъ.

⁷⁾ И нынѣ существующій.

⁸⁾ Упраздненный, нынѣ Сеньянский Покровскій мон. въ 7 в. отъ б. города Сѣннаго въ богодуховскомъ уѣздѣ.

⁹⁾ О пребываніи въ этомъ послѣднемъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. (Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд. стр. 103).

т. е. во всѣхъ важнѣйшихъ обителяхъ харьковской губ. Естественно, что пользуясь большимъ авторитетомъ въ глазахъ настоятелей и братіи и привыкнувъ всегда на всякомъ мѣстѣ высказывать свои убѣжденія, Сковорода велъ себя здѣсь такъ, какъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ, т. е. говорилъ, что думалъ, поучалъ, проповѣдовалъ.

Съ бѣлымъ духовенствомъ у Сковороды также были постоянныя и дружескія знакомства и отношенія. Это былъ тотъ общественный слой, съ которымъ у Сковороды могло быть не мало точекъ соприкосновенія. Подобно Сковородѣ, священники жили въ мірѣ, но должны были служить примѣромъ для свѣтскаго общества; это были наставники народа, руководители его въ дѣлѣ религіи и нравственности; та духовная школа, которую они проходили, должна была вызвать въ нихъ живой интересъ къ богословско-философскимъ вопросамъ, волновавшимъ Сковороду. Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ имъ были доступны всѣ тонкости Сковородинской христіанской философіи; но были и такіе, которые усвоили и ихъ, а большинство во всякомъ случаѣ съ глубокимъ интересомъ слушало его живое устное слово, а потомъ переходило и къ рукописнымъ трудамъ, воспринимая изъ нихъ болѣе доступное и понятное. Священники были близки Сковородѣ и по своему образу жизни: извѣстно, что онъ не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ; вслѣдствіе этого его долженъ былъ болѣе всего привлекать къ себѣ простой, близкій къ народному, бытъ священниковъ, гдѣ подчасъ находили себѣ мѣсто и пирушки, приправленныя домашнею наливкою и тихою назидательною бесѣдою. Ближе другихъ стоялъ къ Сковородѣ священникъ Іаковъ Правицкій. Къ счастью у насъ есть документальный матеріалъ для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній въ видѣ писемъ Григорія Саввича къ о. Іакову. Іаковъ Правицкій былъ священникомъ въ сел. Бабахъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова и принадлежавшихъ въ XVIII в. П. А. Щербинину. О. Іаковъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ со Сковородой: объ этомъ свидѣтельствуетъ дружескій тонъ ихъ переписки, встречающіеся въ ней эпитеты, и, наконецъ, собственное признаніе

Сковороды. „У друга нашего Бабайскаго іерея Іяк. Правицкаго всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали“. И дѣйствительно, І. Правицкій, какъ мы видѣли выше, старательно списывалъ для себя все то, что выходило изъ-подъ пера Г. С. Сковороды. Такимъ образомъ, о. Іаковъ былъ, очевидно, не только почитателемъ самого Сковороды, но и почитателемъ и читателемъ его сочиненій. Мы узнаемъ между прочимъ изъ ихъ переписки, что онъ выше другихъ ставилъ его „Марка препростаго“. И конечно, вслѣдствіе этого Сковорода и посвятилъ ему одинъ изъ своихъ трактатовъ—„Жену Лотову“, въ особомъ письмѣ, которое должно было явиться какъ бы предисловіемъ къ самому сочиненію. Посылая ему рукопись, онъ писалъ: „да наречется же сія книжечка—„Женою Лотовою“! Предисловіе же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо, о возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожу первому и тебѣ обручаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа“... Сія книжечка учитъ: какъ ли читать подобаетъ священное письмо. Аще ли единъ глаголь Божій уразумѣтся, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтель. Въ примѣръ сему взялъ я сіе: „поминайте жену Лотову“, и, толкуя сіе слово, возмутилъ всю священнаго писанія купѣль. Да уразумѣють спящіи на Библии или, съ Павломъ сказать, „почивающіи на законѣ“, яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрими, но многожваніе принудило сказать сіе: „какъ сей вѣсть книги не учився?“ и да познають, яко „единъ день въ тысящѣ“ и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается... Все дастъ вкусъ свой, и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ, аще есмы отъ числа оныхъ! „Израиль толчаше мавну въ ступахъ“. Во блаженное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ, желаю“. Для того, чтобы оцѣнить ту степень довѣрія, какую оказывалъ Сковорода къ Правицкому, слѣдуетъ вспомнить, что „Жена Лотова“ посвящена критикѣ священнаго писанія и заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которыя не гармонируютъ со строго-ортодоксальнымъ направлениемъ религіозной мысли. И въ другихъ письмахъ Г. С. Сковорода излагалъ Правицкому свои задушевныя воззрѣнія и убѣж-

денія, которыя стояли въ органической связи съ основами его ученія, развитыми въ писанныхъ его сочиненіяхъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ. Сказавъ, что Ковалинскій, вѣроятно, утонулъ въ глубочайшихъ волнахъ службы, Сковорода прибавляетъ: „о міръ, несчастнѣйшее море, кипящее страстями! Счастливъ, кто, подобно Петру, исторгается изъ этихъ волнъ! Поэтому станемъ избѣгать міра, оставаясь въ покойной гавани и всматриваясь въ коварства міра. Міръ есть алчность, честолюбіе, чувственное удовольствіе“. Въ другомъ письмѣ онъ является преданнымъ сыномъ Христовой философіи. „Кто знаетъ Христа, говоритъ онъ, то не важно, если онъ прочаго не знаетъ; а кто Христа не знаетъ, то не важно, если онъ прочее знаетъ. Всѣ въ самихъ себѣ видятъ смерть, а мы воскресеніе. Что бо есть любезнѣе на небеси или на землѣ точію поучатися святынѣ? Въ сей единой да живу и умираю. По малу малу отходимъ отъ тѣни плотскія, яже есть блаженная и всеневная смерть, и приближаемся ко Господу, иже есть святыня, кефа и воскресеніе наше“. Въ третьемъ онъ, поздравляя съ *новымъ* годомъ, призываетъ къ *возрожденію сердца*. „Аще кто не имѣетъ новаго сердца, говоритъ онъ, тому весь міръ есть ветха ветошь.—Аще чіе сердце мучится и страдаетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тотъ весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! Изблжймо ветхій квасъ мырскій! Стяжимъ новое сердце! Облещимся во одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда нами вся тварь просвѣтитъ, весь мыръ возыграетъ и воскачетъ. Буде намъ всякъ день великъ день, не зайдетъ солнце намъ и луна не оскудѣетъ намъ. Мы же наречемъся языкъ святъ, люди обновленія. Благое сердце, любовь, Богъ, правды солнце, всю тварь весною новотворящее, есть тожде“. Въ четвертомъ письмѣ, въ виду тяжкой болѣзни, постигшей Христину (жену Іакова), Сковорода утѣшаетъ своего друга и тутъ же излагаетъ свой взглядъ на смерть, вполне гармонирующій съ тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, какія встрѣчаются въ его сочиненіяхъ. „Аще уже вста отъ одра, пишетъ онъ о

Іакову, любезная наша Христина, радуясь всѣхъ насъ ради. Аще же воскресилася въ міръ первородный, отнюду же пріиде въ нижній, радуясь ея ради, насъ же ради возмущюся, якоже оставляетъ насъ въ сей плачевной юдоли“. Въ латинскихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ свящ. Правицкому, мы находимъ также мысли и сужденія, стоящія въ прямой органической связи съ извѣстнымъ уже намъ міросозерцаніемъ Сковороды. „Все проходитъ, говорится въ стихотвореніи; сердцемъ вѣченъ человѣкъ. Чистое сердце въ любви пребываетъ, а любовь въ немъ остается. Любовь—это Богъ; отсюда вѣченъ человѣкъ. О люди! Зачѣмъ вы удивляетесь океану, зачѣмъ звѣздамъ? Идите, къ себѣ вернитесь, себя познайте: довольно этого! Божественный голубь вѣщаетъ: все является изъ глубины возвышеннаго сердца, все послѣ смерти вновь получаетъ начало. Такъ зерно вновь обращается въ солому; такъ оно скрывается въ землѣ. Чего ты боишься смерти?“ Въ другомъ стихотвореніи читаемъ: „Все проходитъ, но любовь остается послѣ всего; все проходитъ, но не Богъ и не любовь. Все—вода. Друзья! Зачѣмъ вы надѣетесь на воды? Все—вода, но гавань будетъ другимъ. На этомъ камнѣ основана вся церковь Христова. Да будетъ она намъ и камнемъ, и скалою“. Григорій Саввичъ обращался впрочемъ во всѣхъ этихъ письмахъ не къ одному І. Правицкому, а къ цѣлому кружку его добрыхъ знакомыхъ, сочувственно и доброжелательно относившихся къ ихъ общему пріятелю „старчику Сковородѣ“. Кружокъ этотъ состоялъ въ дружеской перепискѣ и съ ученикомъ Сковороды М. И. Ковалинскимъ. „Что не пишетъ ли чего Михайло ко мнѣ? спрашивалъ Сковорода у Правицкаго. „Что замолчалъ *нашъ* Михайлъ? И не пишетъ, и не присылаетъ ни очковъ, ни скрипочки“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. „Сыръ *нашего* Михайла гдѣ то застрялъ, очки которыя мнѣ не по глазамъ, я подарилъ Іосифу. Въ обоихъ письмахъ онъ обѣщаетъ большую флейту. Когда она будетъ—мнѣ неизвѣстно. О еслибы помимо всего остального онъ самъ вернулся къ намъ!... О несчастный человѣкъ! Онъ потерялъ единственнаго семилѣтняго сына... Посмотри, какъ міръ въ началѣ льститъ, а подъ конецъ терзаетъ, точно

тигръ. Дорога міра мнится чловѣку блага быти“, читаемъ мы въ 3-мъ письмѣ. Г. С. Сковорода всегда въ своихъ письмахъ къ Правицкому передавалъ привѣтствія ихъ общимъ друзьямъ—священникамъ сосѣднихъ селеній. „Отцу Василю, отцу Еустаѳію, отцу Гуслистѣ отъ мене лобызаніе искреннее. О Наеманъ, (Наеманъ Петровичъ—повидимому священникъ сосѣдняго сел. Жихоря), и тебе, друже мой, тутъ же духомъ истины лобызаю, да пребудете вы мнѣ и я вамъ во вѣки искреннимъ почитателемъ и другомъ“,—съ такимъ привѣтствіемъ обращается Григорій Саввичъ къ своимъ друзьямъ. „Наеману Петровичу миръ и благословеніе и всѣмъ собратіямъ нашимъ іереямъ. Цѣлуйте также духовную мать мою игуменью Марѳу. Цисать облѣнился къ ней. Богъ міра да будетъ со всѣми нами. Аминь, Тебѣ и всѣмъ вамъ, истинный и неязыкольстивый другъ“; въ другомъ письмѣ Сковорода подписался такъ: всѣхъ васъ во Христѣ братъ“. „Христосъ воскресе! Друже Наемане! Да вкусиши и ты сота воскресенія и всѣ ангелы его, всѣ! Жихорайскій съ Бабаевскимъ и съ Воскресенскимъ, со всѣмъ клиромъ своимъ“—такъ привѣтствуетъ Сковорода своихъ друзей на праздникъ Пасху. Вообще у него существовала сильная, можно сказать, непреодолимая потребность духовнаго единенія съ о. Іаковомъ и его друзьями. Вотъ любопытное признаніе самого Сковороды. „Ни старостна лѣность, ни мракъ, ни хладъ зимній, ни неисправное перо со черниломъ, не могло мене удержать, чтобы не ублажить (*gratulor, soluto, graese махаріѿω*) тебе въ новый сей годъ. Радуйся въ новый годъ! Да радуется и весь домъ твой и вся, елика суть твоя! Да радуется (имя стерто) и Еустафій, и Іоаннъ съ Наеманомъ. Да возвеселятся Бабаи со всѣми своими отраслями, селами! Да возрадуются и горы ваши и рѣки да восплещутъ руками! Да обновляется и вся тварь, обстоящая васъ. Молюся“. И затѣмъ слѣдуетъ аллегорическое толкованіе Новаго года (какъ новаго сердца). О. Іаковъ и его друзья, сосѣдніе священники, были друзьями и братьями Сковороды „во Господѣ“ (какъ онъ самъ выражается), т. е. по духу, по внутреннему родству; они раздѣляли, слѣдовательно, его убѣжденія, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, въ

нѣкоторыхъ положеніяхъ. И самъ Г. С. Скворода отчасти намекаетъ на это, говоря, что одно письмо о. Іакова сильно порадовало его своимъ христіанскимъ духомъ. „Обрадовало душу мою любезное письмо твое, дышущее любовію и миромъ Христовымъ. Сей есть союзъ совершенства“. Но не всегда между Сквородой и Правицкимъ съ его кружкомъ существовало единеніе мыслей; подѣ часъ, очевидно, Скворода высказывалъ передъ этими іереями такія положенія, которыя смущали ихъ и вызывали оппозицію съ ихъ стороны. Скворода въ такихъ случаяхъ не уступалъ, дѣлался рѣзокъ; въ результатѣ являлись размолвки, объ одной изъ которыхъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Сквороды. „Возлюбленный во Христѣ братъ Іаковъ. Да будетъ съ тобою тотъ миръ, который превыше всякаго разума. Прости меня, если я тебя въ чемъ оскорбилъ, когда гостилъ у васъ. Ты знаешь, что я вспыльчивъ, но знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость главное достоинство человѣка. Добрый, т. е. истинный человѣкъ, всегда являетъ доброе изъ сокровищницы добраго сердца. Несмотря на это, многіе изъ моихъ друзей готовы сейчасъ же язвить меня, какъ только я вздумаю смягчить ихъ бѣшенство, и не думаютъ, что я дѣлаю это изъ пріязни къ нимъ, ибо искренно человѣческое сердце и умъ отнюдь не можетъ желать людямъ злого. Также и я, если случайно когда разгорячусь или надѣвмъ, то это дѣлаю не изъ зложелательства, но *потому, что по правдивости своей считаю грѣшнымъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины*: какъ лѣченье бываетъ не всегда пріятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И никто не можетъ постоянно соединять полезное съ пріятнымъ; но забудемъ взаимныя обиды и примиримся. Подчеркнутая мною фраза не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ либо личныхъ пререканіяхъ и ссорахъ, а о разногласіи мнѣній, при чемъ Скворода, по правдивости своей, не стѣснялся откровенно передъ друзьями своими высказывать такія мысли, которыя имъ не нравились. Эту черту Сквороды мы уже отмѣтили выше со словъ Ковалинскаго; теперь же только прибавимъ, что къ этому приводилъ его и сильно развитой у

него духъ прозелитизма: глубоко продумавъ свою религіозно-філософскую систему, онъ еще укрѣпилъ ее въ себѣ чувствомъ; и понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, у него являлось страстное желаніе распространять ее въ обществѣ. Вотъ почему онъ такъ стремился пріобрѣтать себѣ друзей, хотя дѣлалъ это съ большимъ разборомъ, руководствуясь при выборѣ ихъ преимущественно своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, къ которому онъ постоянно прислушивался и который его почти никогда не обманывалъ.

Мы объяснили размолвку Сковороды съ Правицкимъ тѣмъ, что они не сошлись во взглядахъ на извѣстные религіозно-філософскіе вопросы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить другой аналогичный случай, съ подобною же подкладкой. О. Іакову Правицкому до такой степени пришелся не по мысли трактатъ его пріятеля „*Израильскій Змій*“, что онъ отказался отъ списка его, сдѣланнаго собственноручно Григоріемъ Саввичемъ. Такъ говоритъ этотъ послѣдній въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. „Іаковъ мой къ сей моей дщери простудился (остыль), замаравъ въ ней и мое и кому поднесена имя (а она поднесена Тевяшову). Откуда сіе? Не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей для него списанный списокъ. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу“¹⁾. Сковорода заявляетъ (и по всей вѣроятности совершенно искренно), что онъ не знаетъ, почему охладѣлъ Правицкій къ этому трактату; но мы теперь, принимая во вниманіе его содержаніе и имѣя свѣдѣніе о томъ, что Правицкій зачеркнулъ въ рукописи и имя автора ея, и фамилію Тевяшова, можемъ указать эту причину: Бабаевскій священникъ испугался нѣкоторыхъ смѣлыхъ взглядовъ и рѣзкихъ выраженій въ немъ и потомъ „простудился къ этой дщери“ своего друга. А другу, при его искреннемъ убѣжденіи въ истинѣ и пользѣ проводимыхъ имъ взглядовъ, и въ голову не могли прійти цензурныя соображенія, такъ какъ друзьямъ онъ привыкъ открывать всѣ свои задушевные мысли. Впрочемъ, и это охлажденіе было временное, и скоро между

¹⁾ Молодыкъ на 1844-й годъ, стр. 232.

друзьями снова установились прежнія отношенія. Письмо Сквороды къ Ковалинскому относится къ 1790 году, а мы имѣемъ другое письмо его 1792 г. (5 января), въ которомъ онъ писалъ: „возлюбленный друже и брате во Христѣ Іакове! Радуйся съ любезною Христиною и со чады въ новый сей годъ! О Боже! Ей! Мнѣ давно скучно, что съ вами не бесѣдую. Аще въ сію зиму или весну не совлеку моего тѣлеснаго бремена линовища (exuvium), потщуся видѣти васъ и насладитися бесѣдою во Христѣ, иже мя вѣсть и азъ его... Нынѣ же голубиными любви крилами васъ посѣщаю. Прости, любезный, что на твое и на твоего чада письмо не отвѣтствовалъ. Сердце во истину желаетъ, но старость и лѣность есть студенокровна. Пишу видъ къ вамъ, обаче боленъ. Благословенъ Богъ мой. Егда немоществую, тогда силенъ есмь съ Павломъ. Болѣзнь моя есть старость, токмо кровный и огневица, не столь изъ невоздержныя, какъ изъ несродныя пищи. Шуїя часть моя угризаетъ мя, а часть благая во бокахъ дому моего, Сарра моя, поглождаетъ... О discors—concordia rerum! Удивися разумъ твой отъ мене. Пришли, друже, Златоустаго рѣчь о томъ, что человекъ есть всея бібліи конецъ и центръ и гавань. Онъ жертва, алтарь, Өиміамъ и вся протчая... Нынѣ васъ поручаю съ возлюбленною Христиною и со чадами Богу Авраамію и пребываю, любезный друже, вамъ всеусерднымъ старчикъ Григ. Скворода. Изъ этого письма ясно видно, что Скворода и Правицкій оставались друзьями по духу и братьями во Христѣ“. Не только самъ Правицкій писалъ письма къ Сквородѣ, а и его сынъ, воспитанный, очевидно, отцомъ въ уваженіи къ старчику Варсавѣ. Не даромъ и этотъ послѣдній проситъ у о. Іакова сочиненія Іоанна Златоустаго; это также указываетъ на сходство ихъ литературныхъ вкусовъ: Правицкій имѣлъ у себя въ бібліотекѣ труды этого церковнаго писателя, котораго особенно уважалъ и любилъ Скворода. Самъ Скворода объясняетъ намъ, почему ему такъ сильно хотѣлось видѣться съ Правицкимъ — *онъ желалъ насладитися съ нимъ бесѣдою во Христѣ*, и самое содержаніе его письма (о противоположности плоти и духа) на-

ходится въ полномъ соотвѣтствіи съ основною мыслью его богословско-философской системы.

Въ такомъ родѣ, очевидно, были отношенія Сковороды и къ другимъ его пріятелямъ изъ среды бѣлаго духовенства, хотя о нихъ мы не имѣемъ уже подробныхъ данныхъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ назвать свящ. Ѳ. Залѣскаго, который переписывался со Сковородой и у котораго было собраніе его сочиненій. Объ этой перепискѣ свидѣтельствуется письмо его сына въ Изм. Иван. Срезневскому, напечатанному недавно передъ тѣмъ въ „Утренней звѣздѣ“ свои „отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ“. Извѣстно ¹⁾, какъ Из. Ив. Срезневскій интересовался личностью Г. С. Сковороды; извѣстно, какъ добросовѣстно онъ собиралъ о немъ всякіе матеріалы и живыя преданія. И вотъ, въ числѣ другихъ лицъ онъ обратился между прочимъ въ 1836 г. и къ священнику Михаилу Залѣсскому, отецъ котораго былъ искреннимъ почитателемъ украинскаго философа. Въ отвѣтъ на это письмо Мих. Залѣсскій прислалъ нѣчто въ родѣ своихъ воспоминаній о Сковородѣ; на разборѣ ихъ мы остановимся еще впоследствии, а теперь приведемъ только начало. „Прочитавши почтеннѣйшее письмо ваше, пишетъ о. Мих. Залѣсскій, 13 числа сего мая мною полученное, сейчасъ бросился прочитать въ „Утренней звѣздѣ“ отрывки о Сковородѣ, потомъ цѣлый день рылся въ письмахъ отца моего, зная одно къ нему письмо его по надписи на латинскомъ языкѣ Grigorius Var Savin, Григорій сынъ Савинъ Сковорода (въ коемъ разсуждалъ что то о священномъ писаніи), не сыщу ли онаго или другихъ его же пера, но въ сожалѣнію не сыскалъ никакого ²⁾“. Изъ дальнѣйшаго содержанія письма оказывается, что знакомство Сковороды съ Залѣскимъ началось еще со времени пребыванія обоихъ ихъ въ Кіевѣ, въ Духовной Академіи. Сковорода, говоритъ Залѣсскій-сынъ, знакомъ былъ съ отцомъ моимъ еще въ Кіевѣ, почему весьма часто изъ Рябушекъ (селенія, гдѣ гостилъ у

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 129—130.

²⁾ Письмо о. Мих. Залѣскаго къ Изм. Ив. Срезневскому 1836 г 15 мая изъ Лебедина; оно не было напечатано; за присылку приносимъ сердечную благодарность Вс. Изм. Срезневскому.

мѣстныхъ помѣщиковъ Красовскихъ) посѣщаль моего отца и иногда гостилъ по мѣсяцу, ибо отецъ мой познакомилъ его и съ Красовскими... Отецъ мой рассказывалъ мнѣ про него, что онъ былъ по лѣтамъ, ученія своего сотоварищъ бывшему кievскому митрополиту Самуилу (Миславскому), у коего отецъ мой въ то же самое время, когда Самуиль былъ еще архимандритомъ и преподавалъ въ академіи богословіе, былъ домовымъ писцомъ и академическимъ письмоводителемъ, что Самуиль, будучи уже митрополитомъ, писалъ къ Сквородѣ письма, приглашая его къ себѣ, чтобъ жить съ нимъ, какъ съ другомъ вмѣстѣ, но онъ отвергъ его прошеніе гордымъ и грубымъ отвѣтомъ". Можно предполагать, что гордый и грубый отвѣтъ Сквороды на приглашеніе Самуила Миславскаго (если таковое дѣйствительно имѣло мѣсто) состоялъ просто въ рѣшительномъ отказѣ его принять монашество. Такимъ образомъ, и тутъ Скворода остался вѣренъ себѣ, своимъ взглядамъ. Отвѣчая категорическимъ отказомъ, онъ не боялся оскорбить высокаго іерарха, ибо обращался въ лицѣ его къ своему однокашнику, товарищу по академіи, можно сказать, другу юности, но само собою разумѣется, что постороннимъ его отвѣтъ могъ показаться и гордымъ. Какъ бы то ни было, о. Фед. Залѣсскій, очевидно, очень уважалъ своего стараго друга Григорія Саввича, принималъ его у себя, вель, конечно, бесѣды о христіанской философіи и съ 1762—1763 года сталъ собирать его сочиненія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что среди нихъ мы встрѣчаемъ и такое критическое сочиненіе, какъ „*Израильскій змій*". Быть можетъ, собирателю принадлежитъ и стихотворная приписка на обложкѣ, взятая изъ сочиненія Сквороды „Борьба архистратига Михаила съ сатаною". У Хиждеу напечатанъ отрывокъ одного письма Сквороды къ свящ. о. Федору Залѣсскому слѣдующаго содержанія: „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, коль Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить и, коль наболталъ много, *amore recipiendum est, quod amore donatur.* А

любо бы тебѣ узнать, кто моя Минерва и отколь взялъ ее? Прочитай, когда на память не заучилъ, что Цицеронъ говоритъ: *pec vero ille artifex, cum faceret formam Minervae, contemplabatur aliquam, e qua similitudinem duceret, sed ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia, quam intuens in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat*¹⁾. Мы думаемъ, что слогъ этого письма подправленъ, но что оно все таки принадлежитъ Сквородѣ. Въ пользу подлинности его говорятъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія: 1) то, что Скворода велъ переписку съ о. Ѳед. Залѣскимъ; 2) самое *содержаніе* письма: Скворода любилъ говорить о Минервѣ и представлялъ ее именно такъ, какъ она изображена здѣсь у него словами Цицерона; 3) дата его: оно написано въ Обуховкѣ, въ 1763 г., 10 декабря; а извѣстно, что именно въ это время Ѳед. Залѣскій сталъ собирать творенія Сквороды.

Этими лицами однако далеко не исчерпывался кругъ сношеній Сквороды съ бѣлымъ духовенствомъ; было, очевидно, множество другихъ священниковъ, съ которыми онъ также былъ въ перепискѣ или въ личныхъ дружественныхъ связяхъ. Въ пользу такого предположенія говорятъ апріорныя соображенія—широкая популярность Сквороды въ Украинѣ, какъ философа, странника и чудака, еще болѣе возрастающая отъ того, что въ немъ, въ его лицѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, всѣ высшіе, духовные интересы того времени; объ этомъ же свидѣлствуютъ и апостеріорныя данныя—отрывочныя указанія на дружескую переписку и личныя отношенія съ нѣкоторыми духовными особами; такъ напримѣръ, когда онъ былъ еще преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, то у него былъ другъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ, какой то священникъ о. *Борисъ*. У этого о. Бориса жилъ на квартирѣ Ковалинскій, и Скворода въ одномъ письмѣ изъ Бѣлгорода къ этому послѣднему прямо говоритъ: „*haec praeter hospitem tuum p. Borissum nemini vulgabis. Scis enim invidiosissimum esse ac mendacissimum vulgus hominum*“²⁾. Изъ цитированнаго нами выше письма свящ. Мих.

¹⁾ Телескопъ, 1835, ч. XXVI, стр. 154.

²⁾ Соч. Г. С. Сквороды, 1-е отд., стр. 58.

Залѣскаго къ Изм. Ив. Срезневскому видно, что Скворода велъ переписку и съ преподавателями бѣлгородской семинаріи и, что самое важное для насъ, опять таки излагалъ тутъ не стѣсняясь свои взгляды на вопросы религіи, хотя эти взгляды шли въ разрѣзъ съ общепринятыми въ церкви мнѣніями. „Я, пишетъ о. Михайлъ, продолжая въ Бѣлгородѣ съ 1790 по 1798-й годъ ученіе, читалъ его, Сквороды, нѣкоторыя письма на латинскимъ языкѣ къ тамошнимъ протоіереямъ, кафедральному отцу Іоанну *Ильинскому* и префекту семинаріи и учителю богословія Ивану Трофимовичу *Савченкову*. Сей Савченковъ намъ, ученикамъ своимъ, читалъ оныя письма и однажды публично въ классѣ съ сожалѣніемъ, что Скворода подъ старость (ибо тогда еще живъ онъ былъ) впалъ въ заблужденіе, явно не хранилъ ни постовъ, ни обрядовъ христіанскихъ, не ходилъ въ церковь, а наконецъ и не приобщался, и когда ему при смерти его предложили приобщиться Таинъ, онъ не захотѣлъ, сказывая, что это не нужно для него. Въ письмахъ тѣхъ къ Савченкову и Ильинскому называлъ онъ посты и таинства хвостами, кои должно отъ вѣры отсѣчь. Это свидѣтельство чрезвычайно важно, но оно требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и поясненій. Мы не сомнѣваемся, что Скворода писалъ такія письма названнымъ выше лицамъ, ибо въ томъ, что говоритъ о. Мих. Залѣскій, мы видимъ не только мысли Сквороды, но и его любимое выраженіе—что обряды есть нѣчто второстепенное въ религіи—не глава, а хвостъ; едва ли только онъ говорилъ о необходимости отсѣченія этого хвоста¹⁾; тутъ, очевидно, Мих. Залѣскій или не понялъ подлинныхъ выраженій Сквороды, или запомнилъ ихъ (что впрочемъ и понятно: съ того времени, когда онъ слышалъ ихъ, до написанія письма И. И. Срезневскому прошло болѣе 40 лѣтъ!). Любопытно, что Савченковъ читалъ получае-

¹⁾ Вотъ относящяся сюда мѣсто въ его „Начальной двери ко христіанскому добронравію“. Характеризуя разницу между закономъ Божиимъ и человѣческими преданіями, онъ говоритъ: „сколько предверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона. У насъ почти вездѣ несравненную сію разность сравнивали“. Здѣсь рѣчь идетъ только о превосходствѣ закона надъ преданіемъ, вѣры надъ ея формой, а не объ исключеніи этой послѣдней.

мы имъ отъ Сквороды письма въ классѣ своимъ ученикамъ, вѣроятно, съ назидательною цѣлью, какъ письмо „любомудра“, но одинъ разъ долженъ былъ вооружиться противъ автора ихъ, хотя, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ обличеніяхъ противъ „старчика Сквороды“, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній тогда лежалъ уже въ могилѣ и не могъ ничего возразить противъ тѣхъ обвиненій, которыя съ особенною силою раздались послѣ его смерти, исходя отъ обличаемыхъ имъ противниковъ. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Скворода передъ смертью исповѣдывался и пріобщался, хотя сдѣлалъ это по просьбѣ друзей.

Д. Вагалъй.

(Продолженіе слѣдуетъ).